

## Революционное похмѣлье.

I.

История не балуетъ российского пролетариата. Теперь, когда при безраздѣльномъ господствѣ контр-революціоннаго націи открытыя выступленія широкихъ массъ стали почти невозможны, когда революціонная работа загнана опять въ подполье, участіе пролетарскихъ социалдемократическихъ депутатовъ въ Г. Думѣ является послѣднимъ крупнымъ «легальнымъ» постомъ классовой борьбы, думская трибуна — послѣдней трибуной, съ которой возможно сколько-нибудь открыто провозглашать лозунги этой борьбы. И вотъ оказывается, что какъ разъ это послѣднее легальное представительство пролетариата далеко не стоитъ на высотѣ своей задачи, что социалдемократическая фракція дѣлаетъ сплошь да рядомъ ошибки, что думская трибуна недостаточно используется для систематическаго отстаиванія принциповъ классовой борьбы, для революціонной критики всѣхъ буржуазныхъ партій и ихъ контр-революціонной игры, для политическаго просвѣщенія трудящихся массъ, а часто является ареной нерѣшительныхъ дѣйствій и платаній со стороны пролетарскихъ депутатовъ, шатаній, исключающихъ выдержанную политическую линію и иногда прямо противорѣчащихъ требованіямъ пролетарской политики. Если заниматься оцѣнкой подобныхъ фактовъ «поверху», не вникая болѣе глубоко въ ихъ подоплеку, то можно назвать *настоящее* состояніе думскаго представительства социалдемократіи весьма печальнымъ. Но сказать только это будетъ констатированіемъ истины, несомнѣнно, болѣе дешевой, чѣмъ плодотворной.

Однако, не менѣе печаленъ по своему симптоматическому значенію и тотъ результатъ, который вызвала слабость нашего думскаго представительства въ рядахъ партіи въ видѣ теченія, провозгласившаго открытое или замаскированное отозваніе социалдемократической фракціи единственнымъ выходомъ изъ печальнаго положенія. Дѣятельность фракціи въ третьей Думѣ доказала ея непригодность, какъ оружія клас. борьбы, — слѣдовательно, нужно фракцію отозвать. Такъ разсуждаютъ нѣкоторые русскіе товарищи, принимающіе, очевидно, эту трогательную простоту и прямолинейность политическаго разсужденія за истинно революціонную рѣшительность и твердость въ постановкѣ вопроса. Къ сожалѣнію, или къ счастью, революціонность пролетарской политики не сводится къ столь упрощеннымъ методамъ мышленія, — она должна базироваться, въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, прежде всего на болѣе глубокомъ анализѣ объективныхъ условій борьбы пролетариата и на вскрытіи тѣхъ діалектическихъ соотношеній, въ

которыхъ кроется и истинный источникъ затрудненій, встрѣченныхъ социалдемократіей, и истинный путь для выхода изъ этихъ затрудненій.

Вопросъ о дѣятельности социалдемократической фракціи въ третьей Думѣ можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ разнѣхъ сторонъ: со стороны личныхъ качествъ фракціи и неуѣмѣности ея выступленій и со стороны объективныхъ условій, дѣлающихъ будто бы невозможнымъ проведеніе въ третьей Думѣ настоящей пролетарской тактики. Разсматривая дѣло сначала съ первой точки зрѣнія, необходимо замѣтить, что личный составъ парламентскихъ фракцій имѣетъ для буржуазныхъ партій и для партій сознательнаго пролетариата совершенно различное значеніе — соответственно основному различію въ отношеніи той и другихъ къ парламентаризму вообще. Для буржуазныхъ партій, политическая борьба которыхъ исчерпывается стремленіемъ къ проведенію опредѣленныхъ законодательныхъ мѣръ, равно какъ къ занятію правительственныхъ постовъ, въ парламентѣ сосредоточивается весь механизмъ политическихъ преобразованій, центръ политической борьбы. И личные достоинства и недостатки фракцій имѣютъ поэтому для нихъ громадное значеніе. Какъ поле для всякихъ сдѣлокъ съ правительствомъ и съ другими партіями, для безпринципныхъ комбинацій и искуснаго использования конъюнктуры въ погонѣ за звонкой монетой осязательныхъ успѣховъ, буржуазный парламентъ является превосходнымъ поприщемъ для личныхъ талантовъ партійныхъ лидеров. Однако, и тутъ личный элементъ находитъ свои объективныя границы въ томъ чисто «материалистическомъ» обстоятельстве, что и въ буржуазныхъ классахъ не личные таланты парламентскихъ вождей создаютъ могущество или ничтожество партій, а, наоборотъ, общее политическое положеніе партій въ странѣ, ея вліятельность или безспіе, въ силу ея классового характера и связаннаго съ нимъ общаго направленія ея политики, создаютъ поприще для талантливости или бездарности ея парламентаріевъ. Такъ въ нѣмецкой партіи католическаго центра на смѣну Виндгорсту, выдающемуся вождю центра изъ эпохи преслѣдованій католиковъ Бисмаркомъ, явились мелкія сошки въ родѣ Либеровъ и Вахемовъ, съ тѣхъ поръ, какъ сама партія центра стала опорой правящей реакціи. Такъ во главѣ борющагося и оппозиціоннаго нѣмецкаго либерализма стояли когда-то крупныя фигуры въ родѣ Якоби, а въ настоящее время, съ глубокимъ упадкомъ либерализма до уровня болота нынѣшней политики «блока», во главѣ его стоитъ въ германскомъ парламентѣ кучка совсѣмъ ужъ безмысленныхъ бездарностей. Съ другой стороны, въ Россіи рядъ безъ сомнѣнія блестящихъ парламентскихъ талантовъ, которыми располагаетъ партія кадетовъ, является ввиду внутренняго безспія и банкротства этой партіи трагической ненужностью, еще болѣе лишь подчеркивающей

ея плачевное положеніе, въ то время, какъ господами положенія въ Думѣ являются грубые и идейно безграмотные Пурішквичи.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло въ партіи пролетариата. Считая парламентскую дѣятельность лишь однимъ изъ орудій классовой борьбы, пролетаріатъ направляетъ свои усилія прежде всего не на достиженіе непосредственныхъ осязательныхъ успѣховъ въ видѣ мелкихъ законодательныхъ реформъ, а на выясненіе въ парламентѣ при каждой возможности своихъ классовыхъ интересовъ и задачъ. Парламентская фракція социалдемократіи и ея дѣятельность является, такимъ образомъ, лишь отраженіемъ политическаго сознанія передовыхъ слоевъ пролетариата, и дѣятельность фракціи приходится считать тѣмъ совершеніемъ, чѣмъ полнѣе и точнѣе она отражаетъ и передаетъ то, что составляетъ духовное содержаніе классовой борьбы пролетариата въ странѣ. Личное значеніе и таланты отдѣльныхъ парламентскихъ дѣятелей здѣсь несравненно меньше рѣшаютъ, чѣмъ въ буржуазныхъ партіяхъ. Не допуская никакой индивидуальной и неожиданной импровизаціи, парламентская тактика социалдемократіи заключена напередъ въ рамки принципиальныхъ и тактическихъ основъ классовой борьбы, формулируемыхъ въ каждой странѣ сознательнымъ и организованнымъ представительствомъ пролетариата, т. е. социалдемократической партіей. Социалдемократическіе парламентаріи являются, такимъ образомъ, по самому своему призванію, лишь глашатаями тактики, устанавливаемой самой пролетарской партіей въ нѣломъ, при возможно широкомъ участіи и контролѣ возможно болѣе широкихъ рабочихъ массъ. Поэтому, независимо отъ второстепеннаго вопроса о болѣе или менѣе талантливости парламентскихъ выступленій, тактика пролетарскихъ депутатовъ въ нѣломъ, какъ и въ каждой частности, не можетъ по своему существу быть дѣломъ самихъ парламентаріевъ, а можетъ являться лишь дѣломъ партіи въ нѣломъ. Такова, напр., парламентская тактика германской социалдемократіи, дошедшая за сорокъ лѣтъ до такой степени опредѣленности, что стала почти рутинной и можетъ теперь примѣняться любыми депутатами почти механически, въ силу традиціи и твердо установленнаго общественнаго мнѣнія въ рядахъ партіи. По подобной устойчивости тактики, предначертывающей социалдемократическимъ парламентаріямъ напередъ обязательную для нихъ линію поведенія, согласную съ волей партіи, возможна только при двухъ условіяхъ: при устойчивости политическаго и классового положенія въ странѣ и при внутреннемъ единствѣ, сильной организационной и принципиальной устойчивости самой пролетарской партіи. Если германская социалдемократія можетъ служить до сихъ поръ классическимъ примѣромъ наличности обоихъ условій, то французскій социализмъ временъ миллерандистскаго кризиса служитъ



не менее классическим примѣромъ обратнаго случая, доказывая, насколько внутренній организационный и духовный разладъ пролетарской партіи немедленно находитъ себѣ отраженіе въ неустойчивости социалистическихъ парламентаріевъ и въ ихъ особенностяхъ и отчужденности отъ самой партіи, органомъ которой быть они призваны. Оба примѣра наглядно подтверждаютъ то, что вытекаетъ изъ самой сущности пролетарскаго парламентаризма, именно, тотъ простой фактъ, что каждая социалистическая партія имѣетъ какъ разъ такую парламентскую фракцію, какою она — въ силу внѣшнихъ и внутреннихъ условий заслуживаетъ.

Въ Россіи несомнѣнно очень осложнены оба основныхъ условия для выдержанной парламентской тактики социальдемократіи. Если во второй Думѣ парламентская дѣятельность социальдемократіи держалась еще сравнительно высоко на послѣднихъ волнахъ массоваго революціоннаго подъема, то послѣ спаденія этихъ волнъ печальное положеніе обнаружилось съ полной ясностью. Неустойчивое политическое равновѣсіе, создаваемое осаднымъ положеніемъ контръ-революціи и постоянными напѣвными въ соотношеніи силъ классовъ и партій, въ частности — совершенно особый характеръ третьей Думы, не представляющей собой ни законодательнаго буржуазнаго парламента, ни тѣмъ менее орудія революціоннаго переворота, дѣлаютъ совершенно невозможнымъ примѣненіе какого бы то ни было шаблона и требуютъ, особенно при отсутствіи всякихъ парламентскихъ традицій въ Россіи, на каждомъ шагѣ самостоятельной творческой работы примѣненія общихъ принциповъ и задачъ классовой борьбы къ своеобразнымъ условіямъ. Но если, въ виду этого, тѣмъ болѣе становится яснымъ, что такая творческая работа можетъ быть дѣломъ единственно самой пролетарской партіи, то приходится сказать, что въ Россіи партійная жизнь социальдемократіи въ настоящее время представляетъ въ этомъ отношеніи рядъ недочетовъ. Не только отсутствуетъ сильное и сплоченное организационное ядро, которое хоть до нѣкоторой степени могло бы послужить суррогатомъ открытаго и непосредственнаго воздѣйствія рабочихъ массъ на ихъ думское представительство, ставшаго невозможнымъ при господствѣ бѣлаго террора контръ-революціи, но даже и тѣ элементы организационности, которые имѣются на лицо, подтачиваются въ корнѣ неуспѣшной и беззастѣбчивой внутренней борьбой, доходящей у нѣкоторыхъ товарищей — насколько можно судить по прессѣ — даже до открытаго стремленія ликвидировать самое партію. Русскіе товарищи, возмущающіеся до глубины души неповиновеніемъ думской фракціи верховному органу партіи, Центральному Комитету, и въ то же время свыкшіеся совершенно съ фактомъ, что это верховное учрежденіе партіи преспокойно транзитируется въ партійныхъ же органахъ, какъ «кружокъ лицъ, хозяйничающихъ въ официальныхъ учрежденіяхъ партіи», что

вопреки формальному единству партіи и въ насмѣшку надъ нимъ, въ рамкахъ ея продолжаетъ вестись открытая и упорная, хотя бы и не организованная формально, фракціонная борьба, направленная объективно противъ партіи какъ цѣлаго, что самый вопросъ думской тактики обращенъ въ объектъ фракціонной борьбы, такъ что одна часть партіи считаетъ священнымъ долгомъ защищать и оправдывать то самое поведеніе фракціи, которое вызываетъ столь основательную критику другой части партіи, — товарищи эти не замѣчаютъ, очевидно, насколько они впадаютъ въ противорѣчіе, не лишенное большой странности. И точно также, какъ лѣтъ шесть-семи тому назадъ непрерывныя обвиненія французскихъ социальдемократовъ противъ своихъ же парламентаріевъ за систематическую измѣну партійнымъ принципамъ и за упорное неповиновеніе партійнымъ учрежденіямъ были только поставленнымъ на голову отраженіемъ собственнаго организационнаго и идейнаго разлада въ рядахъ социалистическаго пролетариата Франціи, такъ совѣтъ тѣхъ русскихъ товарищей, которые считаютъ во что бы то ни стало необходимымъ сейчасъ же «ультиматумомъ» высѣчь думскую фракцію, равняется въ сущности совѣту, чтобы партія сыграла роль гоголевской унтер-офицерши, т. е. высѣкла самое себя.

Не требуется, конечно, особой проницательности, чтобы замѣтить, что очерченное состояніе русской социальдемократіи, съ одной стороны, явленіе не случайное, что, какъ ея организационный разладъ обуславливается въ первую голову дѣйствіемъ контръ-революціоннаго режима, сковывающаго движеніе пролетариата и извращающаго нормальныя формы и функціи его партійной жизни, такъ и ея фракціонныя раздоры коренятся, до извѣстной степени, въ самихъ общихъ условіяхъ развитія социальдемократіи. По разѣ это такъ, то товарищамъ, желающимъ исправить думскую фракцію «ультиматумомъ», слѣдовало бы обратиться съ этимъ грознымъ ультиматумомъ къ тѣмъ объективнымъ условіямъ русской общественной жизни, которыя мѣшаютъ сейчасъ социальдемократіи стать крѣпкой и единодушной организацией рабочаго класса, при которой парламентская фракція сама собой сводится къ своей естественной роли: посатнаго орудія въ рукахъ сознательнаго пролетариата.

Оцѣнка дѣятельности думской фракціи, приведшая къ идѣе отозванія ея, покоится, съ другой стороны, на весьма своеобразномъ пониманіи тактическихъ задачъ пролетариата по отношенію къ третьей Думѣ вообще. Въ резолюціяхъ, формулированныхъ приверженцами этой идеи, т. е. «отзовистамъ» въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, рѣшительно высказывается тотъ взглядъ, что использование третьей Думы, какъ трибуны для агитаціи въ духѣ принциповъ классовой борьбы,

оказалось въ силу внѣшнихъ условий совершенно невозможнымъ и что поэтому «единственнымъ выходомъ изъ создаваемаго положенія является сложеніе соц.-дем. депутатами своихъ полномочій, что подчеркнетъ какъ истинный характеръ самой Думы, такъ и революціонную тактику Россійской Соц.-Дем. Раб. Партіи» (см. статью отзовиста въ 5 № «Раб. Знамени», перепечатанную въ № 39 «Пролетарія»).

Такимъ образомъ, частный вопросъ оцѣнки дѣятельности данной социальдемократической фракціи переводится на почву гораздо болѣе общаго и основнаго вопроса тактики: на почвѣ бойкота Думы созидательнымъ пролетариатомъ. Фактически отзывъ думской фракціи логически сводится къ бойкоту Думы, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока существуетъ избирательный законъ 2 іюня и связанное съ нимъ соотношеніе силъ въ Думѣ. Бойкотъ, и то въ видѣ простого выхода изъ Думы социальдемократическихъ депутатовъ, рекомендуется въ настоящее время, какъ единственная истинно «революціонная тактика» по отношенію къ царщине въ третьей Думѣ контръ-революціи. Нужно признать, что это *новѣйшее* изобрѣтеніе «революціонности» не отличается оригинальностью и во всякомъ случаѣ не стоило своимъ авторамъ слишкомъ большого напряженія мысли. Новѣйшій рецептъ пролетарскаго «радикализма» представляетъ просто подогрѣваніе лозунга бойкота Думы, примѣнявшагося во время выборовъ въ первую Думу, не утратившаго своего обаянія отчасти еще и при выборахъ во вторую Думу и отставившагося нѣкоторыми товарищами наканунѣ выборовъ въ третью Думу. Но это обстоятельство служитъ какъ разъ новымъ примѣромъ того упрощеннаго, вульгарнаго пониманія пролетарской революціонности, которое сводится чисто внѣшнимъ образомъ къ извѣстнымъ краткимъ и сухимъ формуламъ, не давая себѣ труда возникнуть въ соотношеніе боевой тактики пролетариата съ живой и гибкой дѣятельностью. Бойкотъ самъ по себѣ какъ абстрактный лозунгъ, примѣнимый во всевозможныхъ обстоятельствахъ, не только не представляетъ ничего специфически революціоннаго, но даже можетъ быть проявленіемъ совершенно обратнаго характера. Когда во время революціи 48 года въ Германіи, послѣ безсильнаго, двусмысленнаго и полнаго измѣнъ поведенія либеральной буржуазіи въ теченіе полугода, наступилъ неизбежный финалъ въ видѣ государственнаго переворота 1 ноября, сопровождавшагося смѣщеніемъ министерства Пфуля и водвореніемъ открыто реакціоннаго феодальнаго кабинета графа Бранденбурга, безголовое Національное Собраніе объявило въ отвѣтъ на абсолютистскій переворотъ бойкотъ правительства въ видѣ «пассивнаго сопротивленія». «Новая Рейнская Газета», издававшаяся Карломъ Марксомъ, немедленно провозгласила въ Рейнской провинціи въ противобѣдъ этому лозунгу буржуазіи и для поддержки Національнаго Собранія необходимость ряда активныхъ мѣръ: отъ отказа въ



уплатѣ податей до образования революціонныхъ комитетовъ спасенія, прибавляя: «Тамъ, гдѣ контръ-революціонныя власти попытаются помѣшать образованію и дѣятельности этихъ комитетовъ, необходимо насилію, съ своей стороны, противопоставить всякаго рода насиліе». «Пассивное сопротивление должно имѣть своей основой активное. Иначе оно равняется сопротивленію теленка мяснику». Другими словами, Марксъ считалъ необходимымъ немедленное превращеніе пассивнаго бойкота, объявленнаго въ отвѣтъ на реакціонную атаку нѣмецкой буржуазіей въ рядъ мѣръ, вызывающихъ активное вмѣшательство массъ пролетаріата и уличную революцію. Но такъ какъ нѣмецкая буржуазія въ 1848 году боялась уличной и самостоятельной борьбы пролетаріата еще гораздо больше, чѣмъ абсолютизма и связанной съ нимъ феодальной партіи и именно поэтому передъ ними пасовала, такъ какъ она именно потому остановилась на трусливомъ лозунгѣ «пассивнаго сопротивления», что ни за что не рѣшалась апеллировать къ вмѣшательству народныхъ массъ, — то ноябрьское воззваніе Маркса, какъ и вся его политика въ революціи 1848 года, осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь. Никакихъ революціонныхъ выступленій въ отвѣтъ на контръ-революціонную провокацію не послѣдовало, и знаменитое «пассивное сопротивление» германской буржуазіи кончилось такъ, какъ всегда кончается, «сопротивленіе теленка мяснику»: либеральный теленокъ былъ безпощадно зарѣзанъ мясникомъ-абсолютизмомъ.

Впрочемъ, тотъ фактъ, что пассивное сопротивление только въ соединеніи съ активнымъ, боевымъ сопротивленіемъ представляетъ дѣйствительное средство политической борьбы, это не составляетъ секрета и для самой буржуазіи, — она поступаетъ согласно съ духомъ марксоваго лозунга 1848 года во веѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ей это позволяютъ ея классовые интересы и степеніе ея антагонизма по отношенію къ пролетаріату. Другой историческій примѣръ примѣненія пассивнаго сопротивленія въ политической борьбѣ мы находимъ въ исторіи чешскихъ націоналистовъ, бойкотировавшихъ общенародный парламентъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Когда австрійскій абсолютизмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ подъ влияніемъ оесѣбжающей встрепки, полученной имъ при Маджента и Сальферино, рѣшился повернуть на путь «правового порядка» и октроировать странѣ централистическую конституцію Шмерлинга, — чешскіе націоналисты, добивавшіеся федералистическаго строя, отказались въ 1863 году выбрать отъ богемскаго ландтага депутатовъ въ вѣнскій центральный рейхсратъ и упорно продержались на этой позиціи вплоть до 1878 года, пока не добились широкихъ концессій отъ министерства Таафе. Правда, ихъ реакціонный федералистическій идеалъ не только не осуществился, но напротивъ былъ шагъ за шагомъ оттѣсненъ политическимъ развитіемъ Австріи въ

область утопіи. За то они добились другихъ, гораздо болѣе осязательныхъ уступокъ, въ видѣ новаго избирательнаго права въ ландтагъ, признанія ихъ чешскаго языка обязательнымъ въ Богеміи государственнымъ языкомъ, чешскаго университета и т. д. Политика чеховъ, однако, отноду не сводилась за это время къ одному лишь бойкоту вѣнскаго парламента. Какъ только бойкотъ былъ объявленъ, они развернули въ странѣ самую широкую и бурную агитацию. Не опасаясь итти на встрѣчу массовому броженію подъ удобными флагомъ націоналистической мистификаціи, затуманивающей классовыя противорѣчія, чехи старались всѣми силами опереть свое пассивное сопротивленіе «въ парламентъ» на активное сопротивление взволнованныхъ народныхъ массъ, и объявленное въ 1868 году въ Богеміи осадное положеніе, многочисленные аресты, кровавыя столкновенія съ полиціей и войскомъ въ семидесятихъ годахъ, новый рядъ столкновеній въ девяностыхъ годахъ, когда чехи опять возобновили военные дѣйствія, громкій процессъ «Омладины», члены которой были приговорены за «заговорщичество» къ драконовскимъ наказаніямъ, наконецъ объявленіе военнаго положенія въ Прагѣ въ 1897 году доказываютъ, что агитація націоналистовъ не осталась безъ поддержки со стороны широкихъ круговъ населенія. Вызвать революцію во имя тощаго и реакціоннаго лозунга націонализма чехамъ, конечно, не удалось, но за то вполне удалось превратить пассивный бойкотъ парламента въ активное сопротивление страны.

Въ политикѣ революціоннаго пролетаріата, по самой своей сущности, разсчитанной напередъ на самостоятельность массъ, парламентскій бойкотъ по сути дѣла можетъ являться лишь эпизодомъ активной массовой борьбы. Товарищи, усматривающіе въ бойкотѣ первой Думы, объявленномъ въ свое время, большинствомъ Россійской Соціалдемократіи, революціонную тактику *par excellence*, потому именно, что это былъ бойкотъ, и желающіе воскресить эту тактику въ любой моментъ, даже въ 1909 г., стоятъ въ своей оцѣнкѣ совершенно на той же почвѣ, что и ярые противники бойкота, отвергающіе его всегда и повсюду, какъ смертный грѣхъ противъ священной догмы парламентаризма. Въ обоихъ случаяхъ упускается совершенно изъ виду та конкретная политическая обстановка, въ которой бойкотъ Думы являлся элементарѣйшимъ шагомъ и даже дѣломъ чести революціоннаго пролетаріата. Весь 1905 годъ былъ отъ начала и до конца періодомъ массовой пролетарской борьбы и въ то-же время фазисомъ все болѣе поднимающейся волны революціи. Начиная съ 9-го января, сигнала, даннаго петербургскими рабочими, русло революціи все болѣе и болѣе расширяется непрерывнымъ рядомъ массовыхъ забастовокъ, возстаній въ арміи и флотѣ, всеобщей забастовкой въ октябрѣ, вплоть до московскаго возстанія. Неустанному расширенію революціонной борьбы

соотвѣтствуетъ быстрое и энергичное развитіе ея внутренней логики. Достигнувъ въ октябрѣ своего апогея путемъ примѣненія главнаго оружія перваго фазиса революціи — всеобщей забастовки, массовая борьба переживаетъ кратковременную заминку, — вълѣдствіе того, что практическое дѣйствіе этого орудія въ октябрьскіе дни истощалось, обнаруживъ свои собственные предѣлы, — чтобы въ слѣдующій моментъ перекинуться силой собственной діалектики къ новому и неизбежному выводу изъ массовой борьбы пролетаріата — къ открытой борьбѣ. Московское возстаніе — это съ одной стороны критика революціи по отношенію къ ея собственной недостаточности (*Unzulänglichkeit*) въ первомъ фазисѣ, съ другой переходъ ко второму высшему фазису, переходъ отъ прелиминаріи военныхъ дѣйствій противъ абсолютизма къ настоящему гордѣву уалу борьбы, уясненному революціи ея собственнымъ развитіемъ: къ рѣшительному бою за политическую власть. Московское возстаніе было началомъ, лозунгомъ второго періода революціи, какъ возстаніе 9-го января въ Петербургѣ было сигналомъ перваго періода. Революціи предстояло пройти полный фазисъ дальнѣйшаго развитія внири и вглубь на почвѣ открытой уличной борьбы со старой властью; какъ она отъ января до октябрю пережила его на почвѣ забастовокъ. Точно также, какъ петербургская забастовка, расширяясь подобно раскатамъ грома, перешла во всеобщую грозу экономической борьбы, охватившую Россію изъ края въ край, взрывившую социальную почву на протяженіи всей страны и поднявшую на ноги всю массу рабочего класса, — такъ и московское возстаніе должно было расширяться въ рядъ повсемѣстныхъ возстаній, которыя только сдѣлаютъ внутренне и слившись, наконецъ, въ силу собственной логики, во всеобщее возстаніе рабочего класса для открытой борьбы, могли довести до конца дѣло революціи, т. е. разрушить старую власть и очистить почву для новаго политическаго порядка. Московское возстаніе должно было послужить сигналомъ для ряда другихъ возстаній, для того, чтобы революція могла дальше развиваться, итти дальше впередъ, стремиться неуклонно къ своей цѣли. Изъ этого слѣдуетъ, что московское возстаніе само по себѣ, въ своей изолированности не могло никоимъ образомъ кончиться побѣдой, но слѣдуетъ также и то, что его историческая роль въ судьбахъ революціи въ цѣломъ столь-же мало была связана съ непосредственнымъ вѣдннмъ его успѣхомъ, какъ кровавое пораженіе — по вѣдннности — пораженіе — 9-го января не помѣшало этому событію стать моментомъ рожденія великой революціи. Превратится-ли пораженіе московскаго возстанія въ сигналъ для новаго наступательнаго движенія революціи или же въ сигналъ для ликвидаціи революціоннаго періода абсолютизмомъ — вотъ вопросъ, вставшій передъ пролетаріатомъ послѣ декабрьскаго кризиса. Тотъ или другой отвѣтъ рѣ-



пять, дальнейшая судьба революции на годы, момент являлся поворотным пунктом всего революционного развития. Созыв первой Думы означал ответ в смысле, осуждающем революцию на упадок. Дума, пародирующая народное представительство и законодательное собрание в такое время, когда вся политическая власть фактически оставалась в руках абсолютизма и когда первая попытка вырвать эту власть кончилась только что поражением пролетариата, могла быть по существу лишь маневром со стороны контр-революции, фактом, за которым старая власть могла бы возстановить на досуге свои поврежденные батареи и сомкнуть ряды. Допустить созыв этой Думы, принять в ней участие означало для пролетариата участвовать самолично в открытии ликвидационного периода, запечатлеть свое частное поражение, как общее, превратить побьду над московским восстанием в побьду над революцией, остановить поступательное развитие революционной борьбы и начать отступление по всей линии.

Политики, смещивающие роль авангарда, ведущего вперед боевую армию пролетариата, с гораздо более удобной ролью крепких задних ужом "историков" своего собственного движения, указывают с неумолимым торжеством на то, что последующия события доказали тщетность надежд на дальнейшее распространение массовых возстаній послѣ революціоннаго пораженія. Дѣйствительно, линия прямого развитія революціи оказалась на время обрванной, революціи суждено было надолго перемѣнить и методы дѣйствія и операционный базисъ, уйти въ подпочву общественной жизни и начать здѣсь съ тѣмъ большей энергіей кропотливую работу классовой дифференціаціи и накопленія новаго вулканическаго матеріала для будущихъ изверженій. Несомнѣнно, отнротивъ этотъ поворотъ дѣла была не въ силахъ та или другая тактика социалдемократіи. Но тотъ фактъ, что авангардъ революціонной арміи совершенно вѣрно оцѣнилъ внутреннюю логику и условия дальнѣйшаго развитія борьбы и сблзалъ на поворотномъ пунктѣ все, что отъ него зависѣло, чтобы задержать проворачивающееся вспять колесо событій, что онъ стремился довести положеніе до самой крайней революціонной послѣдовательности, до которой оно вообще было способно дойти, что онъ отступилъ только ввиду несомнѣннаго упадка революціи, только послѣ того, какъ неострашимость его обнаружилась воочию, а не напередъ бросая оружіе въ вынудомъ предвидѣніи и предчувствіи пораженія, этотъ фактъ останется однимъ изъ славнѣйшихъ свидѣтельствъ истинно революціонной тактики на страницахъ исторіи бурнаго періода и не сможетъ своимъ некупить, быть можетъ, отчасти послѣдовавшаго затѣмъ главенства ошибки, сдѣланнаго во время первой Думы и послѣ нея роспуска. Это одна изъ — окончена

волюционная, заключалась не в самой, так сказать, технической стороне этого средства борьбы, а в той совокупности тактических моментов, в том политическом осоздании, для которого бойкот послужил лишь вынужденным выражением. Это осоздние, которое вынуждало к бойкоту, — отсюда же понятно и то удручающее чувство, с которым передовые слои пролетарской армии принуждены были констатировать после разгрома первой Думы, что «упадок революции не есть лишь кратковременный эпизод, а долгая безпросветная полоса. Надежды на возвращение к периоду массовой революционной борьбы должны были естественно возникнуть после того, как либеральная кампания в первой Думе оттолкнула пролетариат от авансены революции, потеряла оглушительное эхо». Поэтому, когда социал-демократия решительно призвала к переименованию фронта — к участию в выборах, открыто констатируя этим «ставшую неизбежной необходимость изменить операционный базис», не удивительно было, что лозунг этот вызвал во многочисленных рядах пролетариата не только воодушевление, а и чувство удовлетворения и смирения. Неудовольствие в громком революционном слове «бойкот» создало, напр., среди польских пролетариев очень явное отношение к выборам во вторую Думу, а сознание того, что участие в выборах есть явное и формальное признание самим пролетариатом упадка револю-

Уроки трехъ лѣтъ не могутъ пройти даромъ для социальдемократіи, первая обязанность которой учиться у исторіи. Въ настоящее время, ввиду всей энлопціи, произпанной общественными классами Россіи въ рамкахъ конституціи государственнаго переворота, ввиду столь продолжительной пассивности трудящихся массъ и усиленія позицій абсолютизма во внешней и внутренней политикѣ, вести какъ ни въ чемъ не бывало, а также тактическую линію наступательной революціи, означало-бы удариться въ полное доикхоство. Ни одинъ серьезный политикъ не можетъ разсчитывать въ ближайшіе недѣли или мѣсяцы на всеобщій революціонный врывъ народныхъ массъ. Наоборотъ, чѣмъ даѣе, тѣмъ болѣе становится яснымъ, что намъ предстоитъ, быть можетъ, продолжительная подготовительная работа политическаго просвѣщенія и организаціи пролетариата, чтобы онъ оказался на высотѣ задачи, когда новый подъѣмъ революціи надрѣтеть въ совершенно новой обстановкѣ. Ясно даѣше, что бойкотъ. Думы при такихъ обстоятельствахъ не связанъ ни съ какой общей тактической линіей, оторванъ совершенно отъ общей политики пролетариата. Бойкотъ въ этихъ условияхъ — это не первый шагъ надвигающейся арміи; а выстрѣлъ, хожоемъ зарыдомъ за которымъ ничего не можетъ послѣдовать, промѣхъ удлинннаго эхо. Это типичное «пассивное сопотивленіе» блаженной памяти Берлинскаго Национальнаго Собора.

ня. Взятый в современной конкретной обстановке лозунг отрыва соц.-дем. фракции является не «революционной тактикой пролетариата», а жалкой тактикой трусливой буржуазии, «сопротивлением теленка мяснику».

Еще одна сторона интересна в дознании боинота черисос-  
твенной Думы. Оня обосновывается сплошнымъ контръ-рево-  
люціоннымъ характеромъ Думы, не дающимъ шросфора асита-  
ционной дѣятельности социалдемократическихъ депутатовъ.  
Но характеръ и содержаніе почтеннаго собранія въ Тавриче-  
скомъ дворцѣ не очерчивается только фактомъ его реакці-  
онности. Рѣшающимъ обстоятельствомъ является то, что  
3-я Дума — это уже не органъ контръ-революціи правитель-  
ствующей пайки, а органъ контръ-революціи всего буржуаз-  
наго общества Россіи. Въ этомъ историческое значеніе насто-  
ящаго россійскаго «парламента» и отсюда вытекаетъ какъ  
разъ необходимость вести также и внутри этого «парламента»  
классовую борьбу пролетаріата, какъ бы ни тяжелили затруд-  
нительны были условія этой борьбы. 1905

**III.** *Содержание*

Важнейше, пожалуй, частных тактических промахов, заключающихся въ лозунгъ отзыва думской фракціи, тотъ общій психологическій фактъ, на которомъ только этотъ лозунгъ и стать возможнымъ. Въ самомъ корнѣ того направленія въ рядахъ партіи, которое сочло нужнымъ вызвать шумъ, опреченный именемъ «отзовизма», лежатъ, хотя и не сознательное, безвѣрье въ будущее и въ объективныя гарантіи возобновленія и победы революціи. Только эта идейная растерянность могла вызвать потребность въ искусственныхъ, придуманныхъ, вымученныхъ лозунгахъ «революционности», вызвать склонность къ авантюризму, въсто того, чтобы со спокойной твердостью использовать тотъ неопытный матеріалъ для истинно революціонной агитаціи среди пролетарскихъ массъ, который доставляетъ каждый день столыпинскаго режима и каждый шагъ всероссійскаго контр-революціоннаго клуба, именуемаго третьей Думой. Какъ проявленіе позорнаго упадка революціоннаго духа, это направленіе заслуживаетъ самаго рѣшительнаго отпора со стороны всей революціонной социалъдемократіи.

—Роза Люксембургъ.